

■ СОБЫТИЕ

29 октября 2014 г. в Ижевске состоялся научный семинар «Клинические аспекты глупости». Семинар был организован Издательским домом «ERGO» и кафедрой клинической психологии и психоанализа Удмуртского государственного университета.

На семинаре были представлены доклады, рассматривающие психоаналитические подходы к исследованию феноменов глупости и торможения мышления, в частности подробно обсуждались идеи Карла Ландауэра о психосексуальном генезе глупости как обретенной неспособности к получению опыта.

■ Ex ERGO LIBRIS

ГЕОРГ ГРОДЕК «КНИГА ОБ ОНО. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА ПОДРУГЕ»: ЦИТАТЫ...

«...взрослая жизнь — это штука такая; взрослыми бывают редко, только на поверхности, только играют в них, как ребенок играет в то, что он большой. Как только мы глубже погружаемся в жизнь, мы — дети. У Оно нет возраста, и Оно — и есть наша настоящая жизнь. Взгляните на человека в моменты самого глубокого страдания, самой глубокой радости: лицо становится как у ребенка, детскими становятся движения, голос снова становится пластичным, сердце бьется, как в детстве, глаза блестят или туманятся. Конечно, мы стараемся все это скрывать, но это явно присутствует, и мы не сразу это замечаем только потому, что не хотим воспринимать на самих себе эти маленькие знаки, так громко говорящие, и поэтому не видим их и у других. Плакать перестают, потому что становятся взрослыми? Нет, просто потому, что так не принято, потому что какой-то дурак вывел это из моды. Мне всегда доставляло удовольствие то, что Арес, когда его ранили, завопил как десять тысяч мужчин. А то, что Ахилл проливает слезы над Патроклом, роняет его только в глазах того, кто хочет казаться большим. Мы даже не решаемся искренне рассмеяться. Однако это не препятствует тому, что, когда мы чего-то не можем, мы выглядим как школьники, что мы так же проявляем страх, как проявляли его мальчишками, что мелкие привычки походки, позы лежания, речи неотступно сопровождают нас и каждому, кто хочет видеть, говорят: смотри-ка, ребенок».

«Точно так же, как судьба символа, неизбежна для человека навязчивость к ассоциации, которая по сути является тем же самым, поскольку при ассоциировании постоянно нанизываются друг на друга символы. Уже из только что упомянутого поигрывания с кольцом следует, что бессознательная символизация кольца и пальца как женщины и мужчины принуждает к явному изображению совокупления. Если в отдельном случае проследить эти темные пути, ведущие от полусознательного восприятия впечатления к действию снятия и надевания кольца, то обнаружится, что в мышлении молниями проносятся определенные идеи, повторяющиеся у разных индивидов в разных случаях. Имеют место неизбежные навязчивые ассоциации. Также и символическое применение кольца как признак нахождения в браке возникло путем бессознательных навязывающихся ассоциаций. При таком рассмотрении всплывают глубоко воздействующие отношения между игрой с кольцом и древними религиозными представлениями и нравами, а также с важными комплексами личной жизни и вынуждают нас при отказе от иллюзии желаемой Я плановности нащупывать таинственным образом переплетенные тропы ассоциации. Тогда мы очень скоро узнаём, что понимание обручального кольца как оков или союза без начала и конца объясняется дурным настроением или романтическими порывами, которые берут и должны брать свои проявления из общечеловеческого богатства символов и ассоциаций».

«...главной работой лечения остается устранение и преодоление сопротивления. Фрейд однажды сравнил сознание человека с салоном, в котором принимают разных людей. В прихожей, за закрытой дверью в бессознательном толпится вытесненная масса психических сущностей, а у двери стоит стражник, который впускает в сознание только то, что допустимо в приличном обществе. Следовательно, сопротивления могут исходить из трех мест, из салона — сознания, которое не хочет впускать определенные вещи, от стражника, своего рода посредника между сознательным и бессознательным, который, будучи в высокой степени зависимым от сознания, тем не менее все-таки обладает собственной волей и время от времени своенравно закрывает доступ, даже если сознание дало разрешение, и из самого бессознательного, которому не хочется попасть в прилично скучное окружение салона. Значит, таким образом мы пришли бы к тому, чтобы в лечении учитывать эти три инстанции. И при всех трех нужно быть готовыми к встрече с разными странными капризами и с неожиданностями. Но поскольку, по моему мнению, как сознание, так и стражник в конечном счете являются безвольными инструментами Оно, это различие мало что значит. <...> Как же справиться с сопротивлением? Это сложно сказать, дорогая. Думаю, что при этом важно начать с самого себя, сначала нужно заглянуть в свои собственные углы и закоулки, подвалы и столовые, найти мужество раскрыть самого себя, свою собственную скверность или, как я бы предпочел сказать, человечность. Тот, кто не знает, что он сам стоял за каждым забором и каждой дверью, и кто не может сказать, какие кучи нечистот лежат за таким забором, и сколько куч он сам после себя оставил, не далеко продвинется. Итак, первое требование — это, наверное, честность, честность перед самим собой. На себе самом легче всего познакомиться с сопротивлением. А с самим собой основательнее всего знакомишься, когда анализируешь других».

К ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГЛУПОСТИ

Карл Ландауэр

К ПСИХОСЕКСУАЛЬНОМУ ГЕНЕЗУ ГЛУПОСТИ

108 □ Ландауэр, К.

К психосексуальному генезу глупости □ 109

V

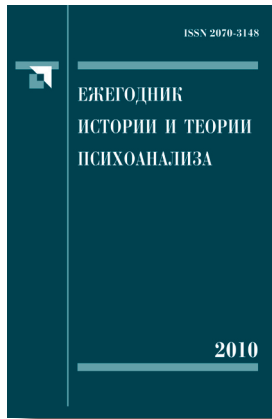
Выше мы принимали в соображение только одну сторону того, почему глупец не спрашивает: он обращен к действительности, не видит и не хочет видеть, что находится за вещами. Но он любит действительность, и так получается, что и он иногда задает очень много вопросов, больше, чем смогли бы ответить десять мудрецов. Но что за вопросы он ставит, на которые не могут ответить даже мудрецы? Действительно ли мудрецы не знают ответа, потому что не видят эти вещи, или просто не хотят говорить, потому что считают досадным, что потом глупец, прежде управляемый ребенком, станет против авторитета родителей, а покоренный против господ? Часто кажется, что глупец как раз и является не кем иным, как управляемым человеком, маленьким ребенком, от которого следует утаивать права взрослых, особенно половое взаимодействие. Так появляется в качестве полностью выдуманного сочинения, т. е. фантазии о желании правящего класса — в средневековье как придворное сочинение, в не столь давнем времени как произведение позднего романтика, который был другом короля и чрезмерно самовлюбленным человеком, — образ «чистого дурака»: Парцифаль¹. Здесь совершенно неприкрыто показывается, что отличие дурака является как раз его половая чистота. До него не доходит чувственное удовольствие, поэтому он может быть инструментом в руках могущественных людей, заместителей идеализированных отцов и матерей. Он совершенно подчинен воле женской морали, матери, воспитавшей его в стороне от двора в идеальной ситуации единоличного владения другим. При этом рано проявляются его насильственные наклонности (убийство птиц), прорывающиеся снова и снова. Тут у него на пути появляется рыцарь, который кажется ему, чистому дураку, богом и тем самым заставляет пережить собственное несовершенство². Чтобы компенсировать его, он хочет выйти в мир, оставить мать. Последняя сначала пытается выставить его смешным, чтобы он, высмеянный миром, вернулся к ней. Но напрасно, его тянет задействовать себя. Получив знание, он не выполняет заповедь матери, требующую: будь, как я, женщиной; и тем самым он уничтожает ее, она умирает от горя из-за его ухода. Мать любила его как мужчину — по крайней мере, он желал, чтобы было так, — но ей можно было любить его только как ребенка, кастрированного. Теперь она мертва; именно поэтому он, любя, продолжает принадлежать матери: он избегает женщины как сексуального объекта. Но и ненавидя, он по-прежнему предан ей: он разрушает жизнь любящих его женщин. О причинах этой ненависти мы догадываемся в сцене, где он замирает, увидев три капли крови на снегу (отвращение перед кастрированной и перед дефлорацией). В его дурачестве, позволяющем ему так много злого, он ребенок (говоря придворным языком: крестьянин), задающий бесконечно много вопросов. При дворе он учится, что молчание и покорность приказам являются долгом ребенка перед отцом и подданного перед господином. И так в своих скитаниях он приходит в замок святого Грааля, видит там всецелые бедствия (кровоточащая рана, следствие сексуального впадения в грех) и таинственное чудесное (кровь Христа; насильственность протыкания Иисуса становится милостью!) и молчит. Только облагородившись в новых скитаниях, он задает сочувствующий вопрос и так становится королем, который управляет всем со знанием. У Вагнера он тоже становится знающим через сострадание, как гласит текст. Однако действие показывает нам, что знающим он становится через поцелуй знающей, жаждущей его женщины, значит, через отречение от генитально-половой любви.

Эта легенда яснее многих слов раскрывает нам, в чем тут дело с дуристостью: *дуристость означает невежество в сексуальном отношении, она является желанием родителей относительно их детей*. И опыт нашего материала, полученного на больных,

показывает нам, что большая часть человеческой глупости — как учит нас Фрейд — осуществляется благодаря тому, что дети, для того чтобы угодить родителям, стараются больше не спрашивать, откуда они появились, каким образом в их появлении участвовал отец, как различаются между собой оба пола, и все эти тысячи вопросов, которыми дети докучают родителям. И поскольку дети видят это, они учатся молчать. Но они видят или должны бы собственно видеть еще больше: что их родители лгут им не только в понимании взрослого, т. е. говорят не то, что думают, а прежде всего и в том понимании, в каком слово «ложь» используется ребенком: что взрослые поступают не так, как говорят. Но ребенок не может сказать своим родителям: ты лжешь. Он даже не хочет думать и видеть, что родители лгут, т. е. делают то, что сами постоянно характеризуют как «плохое». Ведь быть плохим значило бы быть нелюбимым. А ребенок хочет любить своих родителей, не только из нужды, но и из тысячи томлений. И так ребенок, чтобы верить родителям, закрывает глаза на действительность. Он не может видеть больше, чем входит в образ идеальных родителей. Быть глупым и несведущим означает также быть неспособным получать знания о том, что родители не непогрешимы. Это было с пациенткой, из воспоминания которой я привел выше насмешку брата над матерью. Она более двадцати лет ничего не знала ни о каких сексуальных процессах. Ее единственным воспоминанием, которое она смогла вынести о своем сексуальном знании из более раннего времени, было только сказанное матерью, что мальчики отличаются от девочек острыми локтями. Таким образом, мать никогда не лгала, а всегда говорила правду — по меньшей мере, символически. Пробелы заполнились только в ходе длительного анализа. При этом сильным мотивом для вытеснения ее более раннего сексуального знания оказалось то, что она не хотела, чтобы то, что родители лживы и сексуальны, было правдой.

Нам известен тип, который из-за слепой преданности родителям очень для них приятен и характеризуется ими почти как *образцовый ребенок*, несчастные существа с юными телами, но со старчески сдержанными выражениями лиц. Они всегда «послушны», т. е. не мешают родителям и даже доставляют им радость гордо щеголять похвалами точно так же довольных учителей. Образцовый ребенок относительно легко может получать знания, в частности в языковой и понятийной области, ведь он не «рассеян», потому что слеп по отношению к окружающему миру и аффектам. Он также может — что особенно импонирует — лучше воспроизводить полученные знания, чем душевно живой ребенок, которому часто мешает его страстное отношение. Но как только образцовый ребенок должен приступить к самостоятельной деятельности, он чрезвычайно часто не оправдывает ожиданий. Не испытывая любви к тому, что воспринимается органами чувств, он ничего не воспринимает самостоятельно, а значит, не способен и приспособляться. Этим объясняется то, что так часто нам встречается большая одаренность в отвлеченных предметах, например, вычислениях, математике и иностранных языках у людей, которые в жизни глупы. В литературе всегда упоминается, что люди-счетчики³ или подобные умственные феномены часто умственно дебилы. Тем не менее, речь идет не о заложенности с рождения особенно высокой односторонней одаренности при врожденном слабоумии, а об особой форме невроза навязчивости, существовавшей с самой ранней юности (обычно с 4–5-го года жизни) и, казалось бы, делавшей невозможным получение знаний, тогда как с другой стороны определенные способности навязчиво вращивались (болезнь с чувством особенно высокой ценности симптома). Если анализировать такие случаи глупости, то порой удается в течение, правда, долгого, но все же, в сравнении с вдруг полученными знаниями, краткого срока в 2–3 года добиться созревания, предоставляющего в распоряжение больных латентные знания за прошедшие 20 и более лет. (Особенные способности анализом не уничтожаются. Они сохраняются как своеобразия, доставляющие очень много удовольствия, и потому что соответствуют реальности, хотя возникли и устроены как симптомы болезни.)

³ [Счетчик — здесь: лицо, обладающее сверхнормальными способностями к устному счету.]

ISBN 978-5-98904-073-5
70x108 1/16

Заказ книг

Заказ на приобретение книг «ERGO»
направляйте на email:
market@ergo-izhevsk.ru

¹ [Парцифаль — герой куртуазного эпоса, сюжет о нем был очень популярен у многих народов в различные периоды истории. Автором немецкого варианта является Вольфрам фон Эшенбах. Его поэма послужила основой для музыкальной драмы Рихарда Вагнера «Парцифаль».]

² Ср. с этим травматическое переживание вида эрегированного пениса (отца или имаго отца) во многих анализах неврозов (прикрыто, например, в сообщенном покрывающем воспоминании при folie du doute).